

Панфилов Евгений Андреевич

На рубеже
Стихи и поэмы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Андреевич П.**
На рубеже: Стихи и поэмы / Панфилов Евгений Андреевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 100 с.

ISBN 978-5-521-27228-0

ISBN 978-5-521-27228-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА РУБЕЖЕ.



ФРЕЗЕРА

Мальчишеский задор —
Осколок ребяческой дури —
Это он кричит:
— Лети во весь опор,
Ливень грохочущей бури!

Но жизнь не скачки, жизнь не бега,
Да и бег не только в буффонаде:
Посмотри, как походка легка
У моей фрезеровщицы Нади.

Каждый день до вечера с утра
Нарезает она
Фрезера.

А когда сухими ртами труб
Заговорят гудки упруго,
Деловито торопится в клуб
С легкомысленною подругой.

Разве биться, как матери, ей
У иконы под праздничный вечер,
Если в клубе куда веселей
Молодые упрямые речи?

— Мама, мама, иные теперь
Фрезера
И другие совсем вечера!



Нынче жилка поет на виске,
На руках, словно яблоко, мускул;
Даже сердце уже не в тоске
Под горячей размашистой блузкой.

Если мысли—как май голубой,
Если сердце—потока шумливей,
Значит, жизнь—сумасшедший прибой,
Значит, в жизни—весенний ливень.

И не даром, не даром девчонки с утра
Нарезают теперь
Фрезера.

1925



МАТЬ

Каждый раз, если я из дому,
Иль к товарищу, иль выступать,
Вижу, вижу—глядит по-иному
Восемнадцатилетняя мать.

Слово колкое бросит ли мужу,
Но в движеньях—печаль и испуг:

— Неужель тебе, Женья, ненужен
Твой быть-может единственный друг?

Что ты вечно летишь куда-то—
То завод, то вуз, то тетрадь?
От восхода и до заката
Я с тобой не могу поболтать.

То на улице, то на собрание,
То сорвался, как с дерева лист,
И куда-то с настойчивым Ванькой
Лихорадочно понеслись.

Мимо окон прокатится вечер,
К стеклам окон надвинется ночь,
И, упав в материнские плечи,
Спит уже беззаботная дочь.

Детка спит, волосенки взъерошив,
Грязный носик котенком прилег;
Только друг и товарищ хороший,
Только муж и отец—далек.



Знаю: где-нибудь весел и боек,
Позабыв про семейный затон,
На товарищеской попойке
До рассвета протреплется он.

Вечно звонок и вечно—куда-то,
Ну а я—на квартирной цепи;
Неужели для нашего брата,
Как и прежде, осталось—терпи?

Неужели замужество—клетка?
Неужели женитьба—тюрьма?
Женя, Женичка, как мы редко
Покидаем свои дома!

Но не только тебе, но и мне бы,
Распахнувшись, как в мае окно,
Хорошо б под играющим небом
Пробежаться с подругой в кино.

Иль, тряхнув стариной недавней,
В синий час, когда вечер—в отлет,—
На танцульке за Нарвской заставой
Сгоряча пронестись матлёт.

Иль в театре, где блещет Монахов,
На галерке шептаться вновь,
Чтоб опять голосистой птахой
Колотилась бывалая любовь.

Хорошо б, но... все дома и дома,
День, и вечер, и ночь тосковать...

Вижу, вижу глядит по-чужому
Восемнадцатилетняя мать.

1924



У НАС И У НИХ

У нас шестеренки
Бегают как девчонки
Шестнадцати лет,
А у них—нет.

У нас расплавленная медь —
Не медь, а солнце, сброшенное в мастерскую;
Ну, где у них вот занять
И перелить такую?

Наши стружки-серебрушки,
Что хорошие подружки:
За одной другая вслед,
А у них-то стружек—нет.

У нас паровой молот
Мужественен и молод:
Каждый удар—легок и лих.
А что у них?

Ах, зато у них, у текстилей,
Сотни, тысячи девчонок,
Смех которых звонче и теплей
Разговора наших шестеренок!



НАША ЖИЗНЬ

Словно ивовая ветка,
Наша жизнь гибка:
Вчера—на фронте в разведке,
Сегодня—у станка.

Завтра—сорвется кепка,
Может-быть, вновь, и затем:
Вскочит проворно и цепко
На вихрастую голову шлем.

По рукаву понесутся квадраты,
Вспыхнет звезда —
И зашагают отряды,
Заговорят поезда.

Заросль цветущего хлеба
Станут вороги брать на прицел,
Будут падать и падать нелепо
Груды подкошенных тел.

Сорвется шальное—„в атаку!“ —
Всколыхнется дремавшая рожь —
Красную разве ватагу
Половодьем снарядов сметешь?

Ночью же, в поросли свесясь,
Будто отец или мать,
Станет бледнеющий месяц
Трупы людские считать.

1923



ИСКУССТВО

Скрипач ласкал и холил скрипку,
Как девушка единственный наряд,
И с нею, точно молодость с улыбкой,
Встречал восход и провожал закат.

И большей не было печали,
И грусти не было сильней,
Когда, как лодка на причале,
Смычок покачивался на стене.

Так, словно юность без свиданий,
Порой тоскующий скрипач
Не знал, что в городском тумане
По вечерам несется плач.

На перекрестке гулких улиц,
Руками мерзлыми зажав смычок,
Всегда беспомощно сутулясь,
Играет лысый старичок.

Он--не птенец консерваторий.
И нет отца, он сам отец;
Играет он, а мысли вторят —
Ну кто ж поможет наконец?

Но гражданам какое дело
До жизни тусклой и больной?
И, кинув взгляд на это тело,
Все пробегают стороной.